

**ФОТОФИКСАЦИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРА АРСЕНЬЕВА:
«РЕПЕРТУАР» ОБРАЗОВ***

Елена Головнева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Иван Головнев

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**THE FAR EAST IN VLADIMIR
ARSENYEV'S PHOTOGRAPHIC WORKS:
A "REPertoire" OF IMAGES**

Elena Golovneva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Ivan Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article explores the peculiarities of the photographic perception of the Far East by Vladimir K. Arsenyev (1872–1930), a traveller and researcher who wrote dozens of valuable literary and scholarly works about the region and created bril-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18–59–23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтирных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов». Авторы выражают благодарность сотрудникам Архива Общества изучения Амурского края (Владивосток) и лично его председателю Алексею Михайловичу Буюкову.

** *Citation:* Golovneva, E., Golovnev, I. (2020). The Far East in Vladimir Arsenyev's Photographic Works: A "Repertoire" of Images. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 1023–1036. DOI 10.15826/qr.2020.3.510.

Цитирование: Golovneva E., Golovnev I. The Far East in Vladimir Arsenyev's Photographic Works: A "Repertoire" of Images // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 1023–1036. DOI 10.15826/qr.2020.3.510 / Головнева Е., Головнев И. Фотофиксация Дальнего Востока в деятельности Владимира Арсеньева: «репертуар» образов // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 1023–1036. DOI 10.15826/qr.2020.3.510.

liant photographic images of its natural and ethnic diversity. The authors refer to previously unpublished archival data and photographic collections kept in the Archive of the Amur Regional Studies Society in Vladivostok and connected with Arsenyev's expeditions in the Far East. Arsenyev's photographic archive contains over 500 negatives, plates, and unique photographs with ethnographic, archaeological, and geographic images of the Far East, as well as images of the sovietisation of the Far Eastern frontier. These visual materials transfer historical information and are of great importance for contemporary researchers, though they still remain unstudied and unsystematised. Referring to the ideas of Russian and non-Russian researchers about photographic materials as important messages about cultures, this work starts a new historiographic page on the visual anthropology of Russia in the early twentieth century. The topic of the visualisation of the region in Arsenyev's work is considered in the context of bearers of knowledge about the Far East and key approaches to its photographing in the early stages of photography's development. The authors systematise the "repertoire" of photographic images found in Arsenyev's archive according to the thematic and chronological principles. Finally, they make a conclusion about the importance of Arsenyev's activity for the visual representation of the Russian Far Eastern frontier during the period in question.

Keywords: visual anthropology; native peoples of the Far East; visual archives; photography; Far East; V. K. Arsenyev.

Рассматривается специфика фотографического видения Дальнего Востока в творчестве писателя и путешественника В. К. Арсеньева (1872–1930), не только создавшего научные и литературные произведения о крае, но и оставившего яркие фотографические «портреты» его природного и этнокультурного разнообразия. Эмпирической базой исследования являются не публиковавшиеся ранее архивные документы и фотоматериалы, связанные с экспедиционной деятельностью исследователя на Дальнем Востоке, хранящиеся в Архиве Общества изучения Амурского края (Владивосток). Личный фонд В. К. Арсеньева содержит свыше 500 единиц негативов, пластин, уникальных фотодокументов, запечатлевших этнографические, археологические, географические образы, а также картины советизации дальневосточного фронта. Эти визуальные материалы из наследия В. К. Арсеньева транслируют информацию, навсегда ушедшую в историю, и поэтому представляют особую ценность для современных исследований, хотя до сих пор остаются неописанными и несистематизированными. Опираясь на идеи отечественных и зарубежных исследователей о фотоматериалах как значимых «сообщениях» об изучаемых культурах, авторы фактически открывают новую историографическую страницу в визуальной антропологии России начала XX в. Тема визуализации региона в творчестве В. К. Арсеньева раскрывается в контексте выявления носителей «визуального» знания на Дальнем Востоке, ключевых вопросов рассмотрения региона и приемов его фотофиксации в ранний период развития фотографии.

Выделяемый авторами «репертуар» фотографических образов арсеньевского архива систематизируется по тематическому и хронологическому принципам. Отмечается значение деятельности В. К. Арсеньева в визуальной репрезентации российского дальневосточного фронта в рассматриваемый период.

Ключевые слова: визуальная антропология; коренные народы Дальнего Востока; визуальные архивы; фотография; Дальний Восток; В. К. Арсеньев.

Визуально-антропологическая реконструкция территорий Российской империи и СССР представляет собой эвристический способ изучения их природного и этнокультурного разнообразия. Исторически огромную роль в исследовательском «воображении» региональной специфики играли визуальные репрезентации в виде фотографий. Фотофиксация предполагает продуцирование образного строя определенных территорий и основана на наблюдательности и эмоциональности изучающего их субъекта. В контексте «иконического переворота», который переживает гуманитарное знание в начале XXI в., реконструкция и интерпретация визуальных образов различных территорий, создаваемых в процессе фотографирования, позволяют обратиться к так называемым качественным методам познания, основанным на законах чувственного восприятия [Мазур, с. 168].

Фотографии исследуемых местностей и народов, их населяющих, сделанные в научных целях, служат ценным историческим источником, обладающим высокими информационными свойствами [Главацкая], и можно максимально подробно запечатлеть культуру, а затем погружаться в ее изучение по фотографиям [Collier]. Наряду с другими визуальными средствами, фотография фиксирует не только отображаемую реальность, но и ценности, идеологию тех, кто транслирует эту реальность [Sontag], она является своего рода *scopic regime* [Jay] – порядком рассматривания мира. Для критического анализа фотодокументы выступают источником интерпретации национальной политики в конкретный исторический период и возможной диахронической корреляции изображений территории и ее жителей с современными фото- и кинопродуктами. Не случайно, как отмечает В. М. Магидов, существует настоятельная потребность в создании «отечественной истории страны в кинофотофонодокументах» [Магидов, с. 14].

Фотофиксация Дальневосточного региона, выполненная в экспедициях известного исследователя и путешественника В. К. Арсеньева, не изучена в отечественной историографии, его архивные фотоснимки до сих пор не описаны, не имеют качественных копий и практически не используются в научной и просветительской деятельности. Не публиковавшиеся ранее архивные документы и фотоматериалы, связанные с экспедиционной деятельностью Арсеньева на Дальнем Востоке, хранятся в Архиве Общества изучения Амур-

ского края (г. Владивосток)¹. Эти документы являются уникальными визуальными источниками и антропологическими свидетельствами природного и этнокультурного разнообразия края, дают представление о социальной структуре народов Дальнего Востока, особенностях их нравов, деталях одежды, хозяйственной деятельности, обрядах и пр., формируя особый «репертуар» образов².

Исследовательский ресурс презентации территорий в фотодокументе

Фотография, будучи, по словам Р. Барта, аналогом самой реальности [Барт, с. 378], обладает рядом преимуществ в практике научного использования и отличается от письменных источников, тяготеющих к многозначности толкования. Однако «этнографическая точность» и документальная достоверность – лишь одна из сторон фотофиксации при изучении культуры во всех ее проявлениях. Антрополог Джоанна Шерер обращает внимание также на эпистемический потенциал при изучении фотографии – экспликацию межкультурного диалога и субъектности самого исследователя. По ее словам, «изучая процесс взаимодействия между создателем образа, субъектом образа и обозревателем, исследователь воссоздает и целостность культур, и межкультурный опыт» [Scherer, p. 132].

В российской и зарубежной практике первые попытки использования фотографии в научных целях не выходили за границы описания личного опыта и его первичного осмысления. Это было связано с тем, что ученые не знали, как оценивать сотни объектов, которые оказываются на изображении, как использовать эту информацию [Collier, p. 6]. Антропологическая фотография, сделанная в экспедиционных условиях и ориентированная на цели и задачи науки, зарождается не ранее 1870–1880-х гг., хотя изображения, зафиксировавшие человека и его культуру, появились одними из первых среди фотографических тем [Толмачева, с. 38].

Практически сразу возможности нового для научных целей изобретения осознали российские путешественники Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, Н. Н. Миклухо-Маклай и др., включая В. К. Арсеньева. Фотоматериалы визуально-антропологического свойства создавались также и профессиональными фотографами, в частности, характерные фотографические виды дальневосточных селений, приисков, портреты

¹ Фотоархив В. К. Арсеньева, хранящийся в Обществе изучения Амурского края (Владивосток), содержит 620 единиц (черновики работ, полевые дневники, экспедиционные карты и схемы, вырезки из газет), текстовые документы, 550 фотодокументов и негативов. Представленные коллекции не отличаются полнотой и целостностью, пропавшими считаются исследования и фотографии Арсеньева, относящиеся к его путешествиям в Китай, Японию и Корею, рукопись «Страна Удэхе», а также рукопись книги «Теория и практика путешественника».

² Понятие «репертуар» образов в данном случае рассматривается в социально-культурологическом ракурсе – как фотодокументы, связанные с современными им задачами, социально-политическими и культурными условиями.

жителей Приамурья и Забайкалья были сделаны французским фотографом Э. Нино, приехавшим в Россию в начале 1870-х гг.

Развернутые теоретические обоснования необходимости введения в научный оборот нового исследовательского направления – этнографической фото- и киносъемки – были даны антропологами М. Мид и Г. Бейтсон, которые широко практиковали в своих экспедициях 1936–1942 гг. фотофиксацию различных сторон жизни жителей о. Бали [Bateson, Mead]. Характерными чертами фотографирования изучаемых индигенных сообществ в ранний период развития визуальной антропологии были упор на культурную дистанцию, экзотичность общества, акцент на «инаковость». Создаваемые фотографиями «портреты» народностей одновременно выступали неотъемлемой частью визуальной репрезентации отдаленных территорий [см.: Белорусова; Кутейникова; Степанова].

В российском социокультурном пространстве исследовательское освоение Дальневосточного региона в конце XIX – начале XX в. оказалось неразрывно связано с первыми попытками его визуальной фиксации в фотографиях ученых-исследователей, путешественников, миссионеров, сотрудников разных фирм и администраций. Перед ними стояла амбициозная задача – создать воображаемую географическую карту «неизведанной земли», планомерно описав ее территорию и население.

Общество изучения Амурского края, основанное в 1884 г., инициировало проведение научных исследований Дальневосточного региона, представлявшего интерес в географическом, этнографическом и статистическом отношении. Отправляясь в экспедиции по Приамурскому краю, исследователи Дальнего Востока Н. А. Пальчевский, Ф. Ф. Буссе, К. Д. Логиновский, Б. О. Пилсудский брали с собой фотоаппарат или нанимали профессионального фотографа. Они создавали фотографии, которые имели образовательное и просветительское значение, знакомили с культурами коренных народов края – традициями орочей, ольчей, нивхов, гольдов, тазов, гиляков, негидальцев. Исследователи Дальнего Востока были вхожи в изучаемое сообщество, имели представление о культурных реалиях региона, что в значительной степени упрощало работу по выбору объектов для съемки и создавало возможности для достоверной фиксации обыденной/приватной жизни населения Дальнего Востока. Фотодокументы, оставленные этими учеными, действительно стали первым опытом визуально-антропологической репрезентации Дальневосточного края и заложили основу для последующего его изучения [Хисамутдинов, 2007].

Владимир Арсеньев в «Стране Удэхе»: фотографические репрезентации

Особое место в изучении визуальных репрезентаций дальневосточного края в первой половине XX в. занимает деятельность ученого, путешественника и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева

(1872–1930). Исследователь прожил на Дальнем Востоке 30 лет, опубликовал 60 научных работ и более двух десятков научных произведений, переведенных на 30 языков мира. Арсеньев собрал и описал богатейший материал по различным вопросам географии, археологии и этнографии, краеведения, экономики, топографии Дальнего Востока [Хисамутдинов, 2017].

Среди направлений деятельности ученого визуализация, в частности фотофиксация изучаемой культуры, занимает особое место. Интерес к визуализации и созданию рисунков, по свидетельству биографов, проявляется у Арсеньева уже в детском возрасте: «В семейных воспоминаниях настойчиво повторяется рассказ о рисованных человечках, которыми он населял страницы книжек, учебники географии и истории. Читая приключенческие книжки, он продолжал и пересказывал их на собственный манер: карандашом на листках почтовой бумаги делал серию рисунков без подписей, и, если перелистать стопку таких рисунков, расположенных в нужном порядке, получалась своего рода повесть» [Кузьмичев, 1977, с. 15]. Экспедиционные дневники Арсеньева представляют собой синтетические коллажи, которые соединяют текст и изобразительные элементы – вырезки из бересты, рисунков, карт, фотографий. Судя по полевым тетрадам, Арсеньев всегда тщательно готовился к экспедициям: непременно брал с собой фотокамеру с запасом пластин и слыл умелым «съемщиком» [Головнев, с. 51].

Вещественные и документальные коллекции, связанные с деятельностью путешественника, в настоящее время хранятся в Приморском государственном музее имени Арсеньева, Обществе изучения Амурского края и Хабаровском краеведческом музее имени Гродекова. Среди городов Дальнего Востока, где в начале XX столетия получила развитие фотография, особое место принадлежит Владивостоку (где жил Арсеньев), основание которого в 1860 г. совпало с появлением фотоаппаратов в Европе.

Арсеньев прошел с экспедициями значительные территории Дальнего Востока, оставив после себя яркие научные и художественные описания природного и этнографического богатства края [Головнева, Мартишина]. В течение пяти лет (1900–1905) Арсеньев совершает ряд поездок по Южно-Уссурийскому краю, занимаясь изучением Дальнего Востока и его туземного населения. В 1906–1909 гг. он предпринимает четыре больших экспедиции в центральной части хребта Сихотэ-Алинь, в 1917 г. – в горную область Ян-де-Янга, несколько экспедиций в Гижигинский район, на Камчатку (1919, 1926) и, наконец, летом 1927 г. пересекает Сихотэ-Алинь по маршруту Советская Гавань – Хабаровск.

Все путешествия Арсеньева сопровождалось созданием рисунков и фотографий, которым отводилась роль повествовательной фиксации и последовательного документирования событий. Отмечая особое «фотографическое/кинодокументальное зрение» Арсеньева, И. С. Кузьмичев пишет: «Арсеньев всякий раз обращался в слух, сосредоточивал все свое внимание на наблюдаемом объекте. Он, ска-

жем, не просто делал географическое описание реки, а моментально, на ходу схватывал ее повадки, ее нрав и, не замечая словесных «затворов», самым строем фразы, вживаясь в увиденное, создавал воображение, которое, словно сверх его воли, приобретало поэтический оттенок, оставаясь при этом совершенно подлинным. Разница между пейзажем в каком-нибудь романе и описанием природы под пером Арсеньева приблизительно та же, что между картиной живописца и кадрами документальной киноленты. Пейзажист вынашивает замысел, набрасывает этюды и потом на холсте рисует картину. Кинодокументалист же «подсматривает» в природе «нечто прекрасное» и мгновенно запечатлевает на пленке, в кадре как факт и реальный, и поэтический» [Кузьмичев, 2007, с. 28].

Как свидетельствуют полевые дневники Арсеньева, фотографирование являлось обязательной частью экспедиционной работы исследователя. Во время экспедиций фотографические пластинки для предохранения от сырости были запаяны в цинковые коробки – в каждой по дюжине [Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 2]. Арсеньев или делал фотографии самостоятельно, или использовал для иллюстрации своих работ фото, сделанные его проводниками, или запрашивал фотографии у своих «корреспондентов». К наиболее значимым работам Арсеньева относятся снимки села Никольск-Уссурийское, Сахалина, Командорских островов, Владивостока, реки Амур, охотничьей команды крепости Владивостока (в которой в январе 1903 г. Арсеньев назначили начальником), фотографии археологических памятников на побережье Японского моря, многочисленные портретные снимки дальневосточных народов.

На важность фотофиксации экспедиционных впечатлений неоднократно указывает сам исследователь в своих работах. В книге «Дерсу Узала» (1907) Арсеньев отмечает:

В полдень мы остановились на привал. Пока варился чай, я успел сделать несколько фотографических снимков (выделено нами. – Е. Г., И. Г.)... Нигде хребет Сихотэ-Алинь не выступает так величественно и резко, как в истоках Сицы [Арсеньев, т. 1, с. 501].

Рассказывая о маршруте вдоль морского берега на лодке (около реки Гыджу, мыс Чумаки) в экспедиции 1908 г., он пишет:

Наша лодка подошла ближе к берегу. Теперь можно было рассмотреть и детали. Под влиянием атмосферных явлений в песчанике образовалось множество глубоких каверн, разделенных тонкими перегородками. Волны выбили в горной породе нечто вроде пещеры и исполиновых котлов. Вода сгладила острые грани камней и придала им разные причудливые очертания, давшие столь богатый материал фантазии туземцев. Я хотел сфотографировать берег и велел вынуть весла из воды. Минут десять я провозился, пока наладил аппарат [Арсеньев, т. 2, с. 314].

11 августа 1908 г. во время тяжелого похода, сопровождавшегося страшной голодовкой и затоплением лодки, Арсеньев с отчаянием отмечает, что «подмокли *ценные вещи*, и в том числе *фотографический аппарат, кассеты*» [Арсеньев, т. 2, с. 52].

Какие же темы оказываются приоритетными в фотографиях Арсеньева? Что включается в оставленные им фотоматериалы?

В сюжетном плане на фотоснимках Арсеньева в первую очередь запечатлены туземцы Дальнего Востока как объект этнографического интереса. Используя ориенталистскую концепцию Э. Саида, можно отметить, что изучение, освоение и присвоение восточной культуры европейской культурой и дальнейшее ее подчинение происходили путем пристального взгляда, всматривания в чужое [Саид]. Именно в 1920-е гг. «этнографический интерес» к изучению территории оказался определяющим для многих ученых. В работе 1929 г. «Население Владивостокского округа. Материалы Приморской экспедиции Дальневосточного переселенческого управления» Арсеньев пишет:

Полезные ископаемые, лес, продукты моря, соболь, пятнистый олень и другие промысловые животные составляют естественные богатства края, но люди, живущие в нем, будь то аборигены или колонисты, представляют из себя самую высшую ценность [Архив ОИАК. Оп. 1. Ф. 14. Д. 64. Л. 99].

На фотографиях, хранящихся в архиве Арсеньева, запечатлены образы нескольких проводников, сопровождавших его в таежных

1. Дерчу Очжал (Дерсу Узала)

Dersu Uzala

путешествиях: это китаец Чжан Бао, орочи Чичо (Иван) Бизанка, Карпушка и Савушка. Они воспринимаются как самостоятельные психологические портреты. Особенно узнаваем на фотографических снимках аборигенов края «проводник» и друг Арсеньева гольд Дерсу Узала. Фотографический образ Дерсу, созданный Арсеньевым, это образ следопыта, охотника, скитальца в тайге, представленного вместе с иными этническими ико-

ническими кодами (трубкой, котомкой, ружьем) (ил. 1).

Фотографический материал о коренных народах отдаленных территорий во времена Арсеньева, как правило, оказывался хорошим пропагандистским источником в колониальной политике [Anderson, Campbell, p. 5]. Отличительными особенностями фотографической

репрезентации образа жизни коренных народов в первой половине XX в. являлись постановочность сюжета, сознательное использование элементов материальной культуры как маркеров «примитивности», подчеркивание бинарной оппозиции (белый – абориген, европейское – дикое, хаос – порядок, темный – светлый). Наборы стандартных изобразительных форм создавали стереотипные представления об изучаемых народах, являлись своего рода симуляциями, позволяли прочитывать фотоснимки определенным образом, без дополнительных пояснений [Бодрийяр, с. 266]. Туземцы в духе распространенного в начале XX в. жанра портретной фотографии демонстрируют одежду, предметы быта и т. д., или композиция строится на изображении взаимоотношений между людьми. На фотографиях, изображающих коренные народы, присутствует задний план, который четко локализует снимаемую культуру и создает новые атрибуты и возможности для ее репрезентации. Статичность поз снимаемых объектов в изучаемый период объясняется в том числе техническими причинами – невозможностью техники фиксировать движение в силу слабой светочувствительности материалов и длительности выдержки.

В первой трети XX в. фотофиксация дальневосточного края и населяющих его народов, сделанная в экспедициях Арсеньева, оказалась органично включена в указанную практику, а фотоснимки, выполненные исследователем, послужили основанием для воспроизводства устойчивых образов края как особой земли, отличающейся ярко выраженным этнокультурным разнообразием. Фотопортреты инородцев ценны не только тем, что фиксируют этнографическую специфику этих народов почти вековой давности, но и тем, что позволяют определить фотоконвенции изображения этнических групп Дальнего Востока, которые конструировались на раннем этапе развития искусства фотографии. Не случайно по этим фотографиям, а также по эскизам, сделанным во время экспедиции Арсеньевым, художниками А. Н. Климентьевым и К. П. Трофимовым, были выполнены этнографические картины.

Особый корпус фотодокументов, созданный Арсеньевым, связан с фотофиксацией им природных объектов (пейзажной съемкой). Отношение к природе края занимает особое место в творчестве исследователя [Владимир Клавдиевич Арсеньев, с. 172]. Пейзажные работы из его фотоальбомов выполнены с чувством первооткрывателя, изящны по исполнению, совершенны по композиции. В снимках, сделанных на реках Бикин, Тетюхе, Иодзухе, Коппи близ Пластуна, Арсеньеву удалось передать глубину пространства, показать красоту северной природы.

Известно, что художественные описания дальневосточной природы, являвшиеся важной частью литературной деятельности Арсеньева («По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «В горах Сихотэ-Алиня»), продуцировали в сознании читателя яркие визуальные образы. В частности, А. М. Горький из Италии так отзывался

о книге Арсеньева «Сквозь тайгу»: «Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее *изобразительной силой* (выделено нами. – Е. Г., И. Г.) » [Арсеньев, т. 1, с. 38]. Примечательно, что Арсеньевым идея визуального (фотографического) образа используется даже в качестве метафоры при знакомстве читателей с легендой, рассказанной Чжан Бао:

Есть опасные деревья, которые поглощают в себя всех животных и птиц. Есть и такие деревья, которые, как *фотографический аппарат*, отпечатывают под корой всех, кто к ним приближается. Человек никогда не подвергается опасности быть поглощенным, но *образ его может быть запечатлен* в древесине. По мнению китайца, то дерево, которое мы видели сегодня, принадлежало к категории опасных и называется «Сю-чоя» (выделено нами. – Е. Г., И. Г.) [Арсеньев, т. 2, с. 361].

В научном плане Арсеньев продолжает традиции географов Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, ориентировавшихся на комплексный тип описания исследуемой географической местности и разделявших представление о взаимосвязи, едином комплексе всех природных компонентов в пределах географической зоны. Фотографии, сделанные в ходе экспедиционных маршрутов Арсеньева, последовательно иллюстрируют географические описания, сделанные им в определенном порядке: фиксация рельефа земли, отражающего геологическое состояние и возраст пород, водоемов, растительности и животных. Эти фотоснимки представляют собой серию сюжетов, в которой одно изображение раскрывает и дополняет содержание другого.

Акцент Арсеньева на фотофиксации природно-этнографического разнообразия региона, его уникальности в ландшафтном, климатическом, этнокультурном отношении сохраняется и в советский период, когда конструируется новое визуальное поле с его советскими типажам. В этот период на Дальний Восток приезжает новое поколение уже не фотографов, а кинодокументалистов, которое производит «репертуар» образов, соответствующий производству идеологических текстов. Образ советского человека и картины социалистического преобразования Дальнего Востока интересуют Арсеньева мало. Для исследователя очевидно: «Край начал утрачивать свою оригинальность...» [Арсеньев, т. 1, с. 45]. Не переставая заниматься изучением Дальневосточного региона, Арсеньев соглашается на роль научного консультанта в фильме А. А. Литвинова «Лесные люди» об удэгейцах, которые впервые были описаны самим исследователем. В 1928 г. Арсеньев скажет:

Ну слава Богу, как будто я сделал все что мог и теперь займусь обработкой своих этнографических и археологических материалов, но тотчас же откуда-то со стороны (оказывается, из Москвы) на фоне моей

сумеречной жизни появляются две фигуры из Совкино – А. А. Литвинов и П. М. Мершин. Сначала я хотел было выругаться, но потом увидел, что мои новые знакомые – люди весьма интересные. Видит Бог, я не думал выступать в роли киноартиста! Я убедился, что от этих «совкиношников» никуда не уйдешь; они будут караулить меня из-за угла, и все равно экран на мне не миновать [ОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 135. Л. 55].

На фоне происходящих изменений в конце 1920-х – начале 1930-х гг. роль фотографии в репрезентации регионального своеобразия страны снижается. «Киноглаз», бурное развитие кинодокументального видения окраинных территорий СССР становится более мощным средством изображения происходящих в них социальных преобразований [Sarkisova]. В это время государственный масштабный этнографический кинопроект «Киноатлас СССР» рассматривается как панорамный этнографический рассказ о народах, ориентированный на просвещение максимально широкой аудитории [Головнева, Головнев]. По сравнению с фотографией, документальная хроника в ранний советский период носит ярко выраженный паноптический характер, демонстрируя преобразования коллективного тела целых народов СССР. Получившие в этот период распространение культурфильмы устанавливают контрастное монтажное видение по принципу «так было – так есть» и рассматриваются как средство решения социальных проблем. В изменившемся контексте документальная фотография неизбежно претерпевает изменения, все более музеефицируется и становится частью «архива памяти».

Систематизация фотоархива

«Репертуар» фотографических образов арсеньевского архива можно систематизировать по тематическому и хронологическому принципам. Дополнительным аргументом в этой связи явился визуально-антропологический опыт работы с исходными материалами. В частности, одним из авторов данной статьи был создан документальный фильм, основанный на фотоизображениях из архива В. К. Арсеньева [Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева]. Сгруппированные по тематическим новеллам («Море лесов», «Царство гор», «Дыхание океана», «Дерсу Узала» и «Революция»), составленные в хронологической последовательности (от образов региона времен Российской империи до картин советизации края) и подкрепленные дневниковыми текстовыми материалами, арсеньевские снимки выстроились в многослойное визуальное повествование о дальневосточном фронтире в его историко-антропологическом развитии в первой трети XX в.

Фотофиксация Дальнего Востока, сделанная Арсеньевым, несомненно, повлияла на перманентное восприятие этого региона и способствовала формированию новых локальных идентичностей и саморефлексий. С одной стороны, эти фотографические изображения дальневосточного края и его жителей являются уникальными

визуально-антропологическими источниками, с другой – необходимо выделять рецепцию этих изображений зрителями с точки зрения конструирования в их сознании образа региона. Безусловно, арсеньевские фотографические снимки Дальнего Востока первой трети XX в., выражаясь языком Р. Барта, это «остановленные кадры», отсылающие нас к прошлому, к утраченному времени [Барт, с. 392]. Вместе с тем, «коннотативный ход» этих фотоснимков оказывается особенно востребован в настоящем – их современное прочтение обнажает не только содержание научных планов исследователя, но и множество коррелирующих с ними социальных и научно-культурных отношений.

Список литературы

- Арсеньев В. К. Собрание сочинений : в 6 т. Владивосток : Рубеж, 2007–. Т. 1. 703 с. Т. 2. 607 с.
- Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64; Оп. 6. Д. 135.
- Барт Р. Фотографическое сообщение // Барт Р. Система моды : Статьи по семиотике культуры / пер с фр. С. Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 378–392.
- Белорусова С. Ю. Этнофотографическое путешествие Михаила Круковского по Южному Уралу // Урал. ист. вестн. 2016. № 2 (51). С. 98–104.
- Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры // Современная литературная теория. М. : Флинта : Наука, 2004. С. 258–270.
- Владимир Клавдиевич Арсеньев : Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей, свидетельствах эпохи / Ю. Луганский, Г. А. Алексюк. Владивосток : Уссури, 1997. 336 с.
- Главацкая Е. М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.
- Головнев И. А. Владимир Арсеньев и кино // Ойкумена. 2017. № 3. С. 50–64.
- Головнева Е. В., Головнев И. А. Визуализация региона средствами кинематографа (на примере «Киноатласа СССР») // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 22. 2016. № 3 (153). С. 146–151.
- Головнева Е. В., Мартишина Н. И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сиб. ист. исслед. 2018. № 1. С. 200–218. DOI 10.17223/2312461X/19/13.
- Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева : док. фильм / авт. сценария и реж. И. Головнев. 2018 // YouTube : [интернет-портал]. URL: <https://youtu.be/z4JMvXK0uSo> (дата обращения: 30.06.2020).
- Кузьмичев И. С. Писатель Арсеньев. Л. : Сов. писатель, 1977. 240 с.
- Кузьмичев И. С. Имя честного человека // Арсеньев В. К. Собр. соч. : в 6 т. Владивосток : Рубеж, 2007. Т. 1. С. 13–42.
- Кутейникова И. Ранняя фотография в Центральной Азии: интеграция туркестанского населения в русскую империю // Studia Culturae. 2015. № 23. С. 155–165.
- Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М. : РГГУ, 2005. 394 с.
- Мазур Л. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117.
- Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Рус. мир, 2006. 636 с.
- Степанова Л. Б. Полевые экспедиционные фотографии этнографа А. А. Саввина (из собрания рукописного фонда архива ЯНЦ СО РАН) // Сев.-Вост. гуманитар. вестн. 2017. № 3 (20). С. 53–58.

Толмачева Е. Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием // Фотография. Изображение. Документ. 2010. № 1. С. 38–42.

Хисамутдинов А. А. Три столетия изучения Дальнего Востока. 1639–1939. Владивосток : Дальнаука, 2007. 667 с.

Хисамутдинов А. А. «Впервые осветил географию многих мест»: В. К. Арсеньев и его исследования // Ойкумена. 2017. № 3. С. 36–49.

Anderson D., Campbell C. Picturing Central Siberia: The Digitization and Analysis of Early Twentieth-Century Central Siberian Photographic Collection // *Sibirica*. Vol. 8. 2009. No. 2. Summer. P. 1–42.

Bateson G., Mead M. *Balinese Character: A Photographic Analysis*. N. Y. : N. Y. Acad. of Sciences, 1942. 300 p.

Collier J. *Visual Anthropology: Photography as a Research Method*. Albuquerque : Univ. of N. Mexico Press, 1986. 268 p.

Jay M. *Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*. Berkeley : Univ. of California Press, 1994. 600 p.

Sarkisova O. *Screening Soviet Nationalities: Kulturfilms from the Far North to Central Asia*. L. ; N. Y. : I. B. Tauris, 2017. 300 p.

Scherer J. C. Historical Photographs as Anthropological Documents: A Retrospect // *Visual Anthropology*. Vol. 3. 1990. Iss. 2–3. P. 131–155. DOI 10.1080/08949468.1990.9966528.

Sontag S. *On Photography*. N. Y. : Rosetta Books, 2007. 167 p.

References

Anderson, D., Campbell, C. (2009). Picturing Central Siberia: The Digitization and Analysis of Early Twentieth-Century Central Siberian Photographic Collection. In *Sibirica*. Vol. 8. No. 2. Summer, pp. 1–42.

Arkhiv OIAK [Archive of the Amur Regional Studies Society]. Stock 14. List 1. Dos. 64; List 6. Dos. 135.

Arseniev, V. K. (2007–). *Sochineniya v 6 t.* [Works. 6 Vols.]. Vladivostok, Rubezh. Vol. 1. 703 p. Vol. 2. 607 p.

Barthes, R. (2003). Fotograficheskoe soobshchenie [The Photographic Message]. In Barthes, R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* / transl. by S. N. Zenkin. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, pp. 378–392.

Bateson, G., Mead, M. (1942). *Balinese Character: A Photographic Analysis*. N. Y., N. Y. Acad. of Sciences. 300 p.

Baudrillard, J. (2004). Simulyatsiya i simulyakry [Simulacra and Simulation]. In *Sovremennaya literaturnaya teoriya*. Moscow, Flinta, Nauka, pp. 258–270.

Belorussova, S. Y. (2016). Etnofotograficheskoe puteshestvie Mikhaila Krukovskogo po Yuzhnomu Uralu [Mikhail Krukovsky's Ethno-Photographic Travel across the Southern Urals]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 2 (51), pp. 98–104.

Collier, J. (1986). *Visual Anthropology: Photography as a Research Method*. Albuquerque, Univ. of N. Mexico Press. 268 p.

Dal'nevostochnaya odissey Vladimira Arsen'eva. Dokumental'nyi fil'm [Far Eastern Odyssey of Vladimir Arsenyev. A Documentary] / written and directed by I. Golovnev. (2018). In *YouTube* [internet-portal]. URL: <https://youtu.be/z4JMvXK0uSo> (mode of access: 30.06.2020).

Glavatskaya, E. M. (2012). Fotodokumenty kak istoricheskii istochnik: opyt atributsii, kriticheskogo analiza i nauchnogo tsitirovaniya [Photographic Documents as a Historic Source: On Attribution, Critical Analysis and Citation]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 1 (99), pp. 217–225.

Golovnev, I. A. (2017). Vladimir Arseniev i kino [Vladimir Arsenyev and the Cinema]. In *Oikumena*. No. 3, pp. 50–64.

Golovneva, E. V., Golovnev, I. A. (2016). Vizualizatsiya regiona sredstvami kinematografa (na primere “Kinoatlasy SSSR”) [The Visualisation of a Region by Cinematographic Means (with Reference to the “USSR Cinema Atlas”)]. In *Izvestiya Ural'skogo*

federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. Vol. 22. No. 3 (153), pp. 146–151.

Golovneva, E. V., Martishina, N. I. (2018). “Vladet’ Vostokom”: konstruirovaniye obraza regiona v tvorchestve V. K. Arsenieva [“Owning the East”: The Image of the Region as Constructed in the Works of Vladimir K. Arsenyev]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 200–218. DOI 10.17223/2312461X/19/13.

Jay, M. (1994). *Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*. Berkeley, Univ. of California Press. 600 p.

Khisamutdinov, A. A. (2007). *Tri stoletiya izucheniya Dal'nego Vostoka. 1639–1939* [Three Centuries of Far Eastern Studies. 1639–1939]. Vladivostok, Dal'nauka. 667 p.

Khisamutdinov, A. A. (2017). “Vpervye osvetil geografiyu mnogikh mest”: V. K. Arsen'ev i ego issledovaniya [“He Was the First to Explore the Geography of Many Places”: V. K. Arsenyev and His Research]. In *Oikumena*. No. 3, pp. 36–49.

Kuteinikova, I. (2015). Rannaya fotografiya v Tsentral'noi Azii: integratsiya turkenskogo naseleniya v russkuyu imperiyu [Early Photography in Central Asia: Integrating the Turkestan Population into the Russian Empire]. In *Studia Culturae*. No. 23, pp. 155–165.

Kuz'michev, I. S. (1977). *Pisatel' Arseniev* [The Writer Arsenyev]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 240 p.

Kuz'michev, I. S. (2007). Imya chestnogo cheloveka [The Name of an Honest Man]. In Arsenyev, V. K. *Sobranie sochinenii v 6 t. Vladivostok, Rubezh*. Vol. 1, pp. 13–42.

Luganskii, Yu., Aleksyuk G. A. (Eds.). (1997). *Vladimir Klavdievich Arseniev. Biografiya v fotografiyakh, vospominaniyakh družei, svidetel'stvakh epokhi* [Vladimir Klavdievich Arsenyev. A Biography in Photographs, Memories of Friends, and Evidence of the Epoch]. Vladivostok, Ussuri. 336 p.

Magidov, V. M. (2005). *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Cinema and Photographic Documents in the Context of Historical Knowledge]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 394 p.

Mazur, L. (2015). Vizualizatsiya istorii: novyi povорот v razvitiy istoricheskogo poznaniya [The Visualization of History: A New Turn in the Development of Historical Cognition]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 161–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117.

Said, E. W. (2006). *Orientalism. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Ideas of the East]. St Petersburg, Russkii mir. 636 p.

Sarkisova, O. (2017). *Screening Soviet Nationalities: Kulturfilms from the Far North to Central Asia*. L., N. Y., I. B. Tauris. 300 p.

Scherer, J. C. (1990). Historical Photographs as Anthropological Documents: A Retrospect. In *Visual Anthropology*. Vol. 3. Iss. 2–3, pp. 131–155. DOI 10.1080/08949468.1990.9966528.

Sontag, S. (2007). *On Photography*. N. Y., Rosetta Books. 167 p.

Stepanova, L. B. (2017). Polevye ekspeditsionnye fotografii etnografa A. A. Savvina (iz sobraniya rukopisnogo fonda arkhiva YaNTs SO RAN) [Field Expedition Photographs of the Ethnographer A. A. Savvin (from the Collection of the Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)]. In *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. No. 3 (20), pp. 53–58.

Tolmacheva, E. B. (2010). *Metodologiya izucheniya fotografii s etnographicheskimi soderzhaniami* [The Methodology of Studying Photography in the Framework of Ethnographical Context]. In *Fotografiya. Izobrazhenie. Dokument*. No. 1. pp. 38–42.

The article was submitted on 17.08.2018